

УДК 930.1

Ю.А. Разинов*

ЛОЖЬ УМОЛЧАНИЯ И СПОСОБНОСТЬ РЕЧЕВОГО КОНТРОЛЯ

Статья посвящена анализу феноменов молчания и умолчания, которые трактуются в качестве речевых модальностей, связанных с опытом истины, ее сокрытия и искажения.

Ключевые слова: молчание, умолчание, речь, истина, ложь, сокрытие, искажение, аутизм.

В отечественной социально-философской литературе ложь умолчания чаще всего описывается термином «полуправда». Однако этот термин не кажется нам удачным. Во-первых, по чисто формальному соображению: слово «полуправда» ориентирует на *количественный* аспект раскрытия информации. Такие выражения, как «неполная», «частичная», «поэтапная», «дозированная», «пропорциональная» правда, вращаются вокруг неясного концепта, каковым является «полная правда». Но каковы критерии гипотетической полноты? «Имеется ли в виду полнота фактического описания (невозможность дополнения его новыми фактами) или некая завершенность объяснений и оценок (невозможность дальнейшего их уточнения или даже пересмотра)?» – ставит вопрос Д.И. Дубровский, отвечая: – И то и другое вряд ли достижимо» [1, с. 95]. Во-вторых, термин «полуправда» не очень хорош и в содержательном смысле: он преждевременно ставит феномен умолчания под гнет морального осуждения. С точки зрения ценности и даже сакрализованности правды в отечественной традиции *полуправда* оказывается *полумерой*, вызывающей критику социальных практик ее дозировки [2, с. 278]. Фиксируя внимание на *содержательной* стороне акта, а не на самом акте, каковым является умолчание, термин «полуправда» оказывается тем же, что «полуложь». В данной связи термин «умолчание» представляется нам более привлекательным, ибо отсылает не к содержанию действия, а к самому действию.

Сразу оговоримся, что не всякое умолчание ложь, ибо как таковое молчание может быть способом бытия истины, причем в наиболее сокровенном смысле. Поэтому мы различаем истинное и ложное умолчание в отношении целей. При этом ложное умолчание – не ложь в обычном смысле *сообщения лжи*. При умолчании лжец скрывает истинную информацию, но не сообщает ложной или сообщает только часть правдивой информации, для того чтобы скрыть наиболее значимую ее часть. В англоязычной среде такое умолчание именуется Lie by omission, что буквально переводится как «ложь пропуском [подробностей]». В качестве литературного тропа такой прием служит для создания эффекта двусмысленности или неопределенности повествования. Однако в обыденной жизни такая форма умолчания служит инструментом обмана. Пропуск значимой информации является более тонким инструментом обмана, нежели прямое лжесвидетельство. Пропуск важных деталей позволяет ускользнуть главному и вместе с тем зафиксировать внимание на второстепенных объектах. Недостаток информации побуждает домысливать картину целого (например, план военной операции), чем и пользуется обманщик, направляя сознание в нужное ему русло.

* © Разинов Ю.А., 2013

Разинов Юрий Анатольевич (razinov.u.a@gmail.com), кафедра философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

Обман by omission использует интенциональную силу сознания. Путем переключения сознания с одного предмета на другой, экранируя истинный предмет, он создает «ложную» интенцию. Помимо этого *когнитивного* аспекта ложь умолчанием имеет еще и *моральный* аспект: она есть коварная лазейка для оправдания. Решая одну задачу, обманщик создает возможность для морального оправдания: «что-то пропустил, но не лгал». Умолчание — алиби лжеца.

Молчать о правде *само по себе* еще не означает обманывать. Вместе с тем умолчание, а тем более *замалчивание* — наиболее распространенные и повседневные, а потому наименее заметные способы производства лжи. Более того, они являются одним из самых устойчивых и обычных проявлений нашей *способности ко лжи*. Не выражать всех чувств и эмоций, не посвящать окружающих в свои планы, думать и читать «про себя» кажется нам настолько естественными проявлениями человеческой природы, что мы редко их связываем с феноменом лжи. Но поскольку умолчание — есть определенная форма сокрытия и ускользания истины, постольку в нем может быть реализована интенция лжи.

Американский психолог П. Экман в своей книге «Telling Lies», известной русскоязычному читателю как «Психология лжи», различает две основные формы лжи — *умолчание* и *искажение*. Критерий их различия следующий: при умолчании лжец скрывает истинную информацию, но не сообщает ложной; при искажении он не только скрывает правду, но и предоставляет взамен ложную [3, с. 23]. В феноменологическом смысле это не совсем корректно, поскольку сокрытие и искажение соответствует природе ложного как такового. Подача ложной информации, являясь *достаточным* условием искажения, не является *необходимым* условием. Умолчание так же способно исказить картину действительности, как и прямая ложь. Более того, искажение может быть произведено и с помощью формально правдивого высказывания при условии, что целью правды является введение в заблуждение. Например, когда супруг, идущий на свидание с любовницей, сообщает об этом своей супруге, он обманывает ее посредством правдивой информации. Но в ней присутствует весомая доля умолчания. Под наигранной несерьезностью признания утаивается серьезность самого намерения. В дерзновенной правдивости такого обмана умолчанию принадлежит ведущая роль. Риск признания здесь всецело опирается на предположение, что жена, не поверив, обманет себя сама. Иными словами, *умолчание предполагает более тонкую стратегию манипулирования сознанием, нежели прямое искажение*. Поэтому тезис Экмана относительно того, что умолчание пассивно, а искажение активно, не выдерживает критики. Скорее речь должна идти о разных формах активного воздействия. В отличие от прямого обмана (который Экман называет искажением) умолчание предоставляет жертве *собственную возможность* обмануться. Такая форма лжи не является пассивной. Она скорее соответствует тому типу активности, который практикуется борцами айкидо, направляющими силу соперника против него самого.

Итак, умолчание производит ложь. Попытка освободить его от этой «негативной презумпции» с помощью термина «тайна» так же феноменологически неочевидна, как и попытка противопоставить умолчанию искажение. В обоих случаях имеет место стереотипное употребление термина «ложь». Утверждать, что умолчание связано с меньшим чувством вины, нежели прямое искажение и ложь, значит, во-первых, разделять общественный предрассудок, а во-вторых, редуцировать сложный феномен к более узкому смыслу *высказывания неверной информации*. Пытаясь вывести умолчание из-под пресса морального табу, Экман утверждает: «умолчание нельзя называть ложью, если существует определенная предварительная договоренность на этот счет» [3, с. 23]. Самый распространенный пример — общение неизлечимо больного пациента с врачом. Однако в таком общении уже присутствует обмен ложью. Апеллирую-

ший к договору Экман пропускает один очень важный момент, связанный с существованием негласных социальных конвенций, регламентирующих взаимный обмен ложью. Суть договора применительно к случаю пациента и врача может быть выражена такой формулой: «ты не будешь говорить правду; а я и не буду спрашивать, а вместе мы будем делать вид, что все в порядке».

Справедливости ради стоит сказать, что Экман преследует вполне определенную цель – расширительное истолкование лжи и снятие с нее излишней моральной нагрузки. Цитируя статью из Оксфордского словаря английского языка, где ложь определяется как термин, имеющий «оттенок ярко выраженного морального осуждения», он замечает, что все это, однако, не имеет отношения к *ego* определению лжи или обмана [3, с. 20]. Справедливо полагая, что «ложь настолько естественна, что ее без обиняков можно отнести ко всем сферам человеческой деятельности» [3, с. 18], Экман пытается преодолеть ряд социальных стереотипов отношении лжи, однако и сам оказывается под властью некоторых из них. В данном разрезе это касается статуса молчания и умолчания. Привычный стереотип «молчу, а стало быть, не лгу» исходит из предрассудка, что ложь – это исключительно речевое явление. Другой предрассудок заключается в том, что молчание – не речь.

Умолчание – не речь в привычном смысле говорения. Но в то же время оно является речевой модальностью. В этом смысле следует различать *скрывающую* (вербальную) и *скрытую* (невербальную) речь. Если истинное умолчание имеет целью укрыть истину от симулирующего слова, то в ложном умолчании совершается обратный ход – *истина прячется в словах*. Такое сокрытие на саму речь налагает функцию дозировки, что порождает парадоксальный феномен *умолчания путем забалтывания*. С помощью таких модальностей речи, как софизмы, болтовня, красноречие, легко экранировать истинный предмет. В быденном языке такая операция обычно называется так: «незаметно перевести разговор в другое русло», «перевести стрелки».

Попытки отдельных авторов вывести умолчание из зоны непрерывного обстрела со стороны морального сознания имеет существенное основание. В формальном смысле неговорение правды, умолчание – действительно негативный феномен, однако оно обладает и позитивной силой. Последняя заключается в том, что в молчании и умолчании проявляется культурная способность человека, связанная с контролем мыслей и чувств. Умение сдерживать речь – одно из важнейших культурных завоеваний, являющееся индикатором социальной зрелости и *дискурсивного здоровья* человека и общества в целом. Напротив, спонтанная и тотальная вокализация – признак душевной и интеллектуальной неразвитости, инфантилизма или психопатологии. Все маленькие дети, как замечено, склонны спонтанно вокализовать свои мысли, что особенно заметно, когда они играют. Но уже к школьному возрасту они учатся не произносить свои мысли вслух [4]. Привычка говорить с собой начинает восприниматься окружающими как признак душевного расстройства или психического заболевания, например аутизма.

Последнее явление заслуживает особого внимания, поскольку аутизм непосредственно связан с нарушением *способности ко лжи*, к распознаванию и сопротивлению экспансии ложного. По причине такого нарушения носители данного синдрома оказываются постоянными жертвами обмана, находятся в острой фазе социального отчуждения и психологического дискомфорта. Проблема аутизма сравнительно новая, хотя сам синдром, который в последнее время все чаще называют «синдромом Аспергера», был открыт в середине 40-х годов XX века независимо друг от друга двумя психотерапевтами Г. Аспергером и Л. Каннером. Широкий интерес к этому явлению пробудился лишь с начала 90-х годов, что частично связано с компьютеризацией общества. Поскольку в основе синдрома лежит нарушение опыта Другого и

коммуникации с Другим, «общение» с компьютером становится сильным компенсаторным средством мнимого преодоления отчуждения. Компьютер, изолирующий ребенка от мира «сложных», «непонятных» и «непредсказуемых» других, с одной стороны, является индикатором проблемы (бегство в мир симулированного Другого), а с другой стороны, сам выступает катализатором и амплификатором данного отчуждения.

Одним из проявлений синдрома Аспергера является своего рода *недержание речи*, то есть не способность разделять речевые планы на «внутренний» (предназначенный «для себя») и «внешний» (предназначенный для «других»). Аутичный психотик взаимодействует с Другим как с самим собой. Аутист озвучивает свои собственные состояния или дает оценку происходящему в соответствии с пословицей: «что у трезвого на уме, то у пьяного на языке». Такая вокализация характерна для маленьких детей. Последние естественным образом молчат, когда не хотят говорить, но им с трудом удается умалчивание. Поэтому типичными проявлениями этого синдрома являются социальная неловкость, невежливость, нетактичность, что обусловлено недостаточным пониманием собственных и чужих внутренних состояний. Одним из препятствий, по-видимому, является неспособность со стороны человека с синдромом Аспергера поставить себя на место другого и представить, как выглядят его действия и какие эти действия вызывают чувства. *Деструкция приватной сферы* и неспособность занять точку зрения другого превращает речь «аспи» в совершенно *овнешненную* речь, то есть в дискурс, в котором частично или полностью отсутствует внутренний план сокрытия. Неспособность умолчания предполагает также и неумение распознавать экраны в речи другого, что свойственно инфантильному сознанию.

Дети не случайно имеют репутацию наивных лжецов, так как не вполне владеют способностью удерживать в одном акте представления сокрытое и нескрываемое. С этим связано расхожее представление о том, что «устаи младенца глаголет истина». В действительности же все несколько сложнее: устаи младенца говорит не истина, а *не обработанное ложью, простодушное сознание*. Истинный смысл поговорки «устаи младенца глаголет истина» заключается в другом — в косвенном указании на то, что *устаи взрослого глаголет ложь*. В сказке Андерсена «Голый король» эта мысль приобретает явно выраженный гротескный характер. Дело не в том, что поданные не видят голого короля, а в том, что они помалкивают об этом. Мораль сей басни в ее привычной интерпретации представляется так, что вместе с возгласом «А король-то голый!» ложь торжественно изгоняется на задворки жизни. Но это совершенно не соответствует действительности, точнее, тому, как устроена социальная реальность. В этой реальности мальчика ждет звонкий подзатыльник, а не вопль восхищения «устаи младенца истина глаголет!». Как отмечает А.К. Секацкий, «есть принципиальный стадийный рубеж между ребенком, который еще может заявить гостю: «Мама говорит, что Вы так много едите, что на Вас не напасешься», и ребенком, который так уже не скажет» [5, с. 29]. Неспособность к умолчанию рано или поздно будет наказана как проявление социальной незрелости. «За правдивую погудку смычком по рылу бьют», «прямикое слово, что рогатина», «молчание золото» — посредством подобных наставлений ребенку будет привита сложная фракция лжи. «На смену первоначальной дидактической формуле «нельзя говорить ложь» приходит более продвинутая формула «нельзя говорить то, чего нельзя говорить» [5, с. 28–29].

Подводя итог сказанному, повторим главное. Молчание и умолчание — это феномены двойственного отношения человека к миру и присутствия в мире. Двойственность этого отношения заключается в том, что, с одной стороны, человек выражает свое присутствие в слове, а с другой стороны, он замолкает перед тем, что его больше всего захватывает. Человек молчит, если не хочет терять опыт истины в расточитель-

ном говорении (истинное умолчание). Но вместе с тем умолчание приобретает и характер лжи, если человек молчит для того, чтобы скрыть нечто и предать его забвению. Поэтому можно выделить два порядка, или две расходящиеся серии умолчания: одна – в направлении истины, другая – в направлении лжи. Первая серия умолчания порождает «внутреннюю эмиграцию из языковой среды» (В. Биbihин), а стало быть, в каком-то смысле и из среды социальной. Вторая серия порождает противоположное – миграцию в мир социального обмена ложью, которая отнюдь не всегда имеет статус «нелегальной эмиграции». Различные виды конвенциональной лжи, лжи «по протоколу», в том числе и ложь умолчания, прекрасно вписываются в социальный ландшафт повседневности, играя определенную роль в обеспечении социальной коммуникации. Вопрос же о том, какую роль играет ложь в рамках социального обмена – отдельная и большая тема.

Библиографический список

1. Дубровский Д.И. Обман. Философско-психологический анализ. М.: Канон-плюс, 2010.
2. Виноградов И. Может ли правда быть поэтапной? // Иного не дано. М., 1988.
3. Экман П. Психология лжи. СПб.: Питер, 2003.
4. Биbihин В.В. Язык философии. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2002.
5. Секацкий А.К. Онтология лжи. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2000.

*Yu.A. Razinov**

LIE BY OMISSION AND ABILITY TO CONTROL SPEECH

This article is devoted to the analysis of phenomena of silence and lie by omission, which are treated as modalities of discourse associated with the experience of truth, its concealment and distortion.

Key words: silence, silence, speech, truth, lies, concealment, misrepresentation, autism.

* *Razinov Yuriy Anatolievich* (razinov.u.a@gmail.com), the Dept. of Philosophy of Humanitarian Faculties, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.